

Александр ТКАЧЕНКО

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКИ НА РЫНКЕ ТРУДА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ КРИЗИС В РОССИИ

В 90-е годы Российская Федерация вступила в общесистемный кризис, характеризующийся экономическим спадом, разрушением хозяйственных связей, демографическим кризисом, социальными и этнонациональными конфликтами.

Оснoвной проблемой социально-демографической ситуации остается смертность. К середине 90-х годов коэффициент смертности населения в трудоспособном возрасте по сравнению с началом 60-х увеличился более чем в 2 раза, причем наибольший его рост пришелся на первую половину 90-х годов, когда он вырос на 65% у мужчин и 49,5% у женщин.

Смертность мужчин в трудоспособном возрасте в России в 4 раза выше, чем смертность женщин. Высокая смертность населения в трудоспособном возрасте сокращает продолжительность трудоспособного периода у мужчин на 5 лет, у женщин – на 1 год; за 1990–1995 гг. этот показатель вырос в 1,7 раза для мужчин и в 1,5 – для женщин.

Низкие показатели ожидаемой продолжительности жизни и их истинные драматическое падение в 1991–1995 гг. (на 5,6 года для мужчин и на 3,3 года для женщин) связаны прежде всего с явлениями “избыточной” смертности. Это не наблюдаемая больше нигде в мире сверхвысокая смертность российских мужчин по сравнению с женщинами – например, в 3,6–4 раза выше в возрасте 35–44 лет, и избыточная смертность населения России по сравнению с уровнем крупных (по численности населения) западных стран, которые в начале 60-х годов имели очень близкие к российским показатели. Например, во Франции коэффициент смертности от язвенной болезни имел незначительный рост в 1965–1975 гг., а затем показывает снижение в течение двадцатилетнего периода; в России же весь период 1965–1992 гг. имеет тенденцию роста. Аналогичные показатели по циррозу во Франции уменьшились за период 1965–1992 гг., в России, за исключением 1985–1987 гг., весь период растут.

Исследователи Центра демографии и экологии человека (Москва) рассчитали, что по сравнению с западной моделью смертности (США, Япония, Великобритания, Франция) Россия понесла в 1995 г. 731 тысячу “избыточных” мужских смертей, в том числе 420 тысяч – в трудоспособном возрасте. По этим же расчетам избыточные потери составили около 10 тыс. человеко-лет трудовой активности мужчин, что означает и огромные экономические потери России.

В 1997 г. численность умерших, как и в 1996 г. по сравнению с 1995 г., незначительно сократилась, но все равно составляет огромную величину: около 2 млн. в 1997 г. и 2,1 млн. в 1996 г. Если исходить из предположения, что каждый умерший в рабочем возрасте мог сделать своим трудом вклад в создание валового внутреннего продукта, то гипотети-

Ткаченко
Александр
Александрович –
кандидат
экономических
наук.

ческие потери от смертности составят, по нашим расчетам, в 1997 г. более 46,5 трлн. рублей, что составляет более 40% всех расходов на здравоохранение в 1997 г.

По имеющимся расчетам исследователей Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, доля расходов на здравоохранение в валовом внутреннем продукте сохранялась на уровне, близком к 4%, что в 2 и более раза ниже, чем аналогичная доля в европейских высокоразвитых странах. Если учесть, что сам валовой продукт сократился за эти годы более чем на треть, то отсюда следует, что расходы в расчете на душу населения или на каждого больного также значительно сократились, в то время как в других развитых странах, а также во многих странах с переходной экономикой, прежде всего в Польше и Венгрии, они продолжали расти.

Сильное отрицательное влияние оказывает на сферу здравоохранения невыполнение даже запланированных и утвержденных законом о государственном бюджете расходов, хотя доля государственных расходов на здравоохранение и санитарно-эпидемиологический надзор была в бюджете 1997 г. очень низка – 1,6%.

Рост населения трудоспособного возраста за 1997–2010 г. может при различных вариантах динамики смертности составить от 500 тысяч (минимум) до 3 млн. человек (максимум). Такое “демографическое” давление на рынок труда требует от правительства принятия специальных программ по его регулированию.

В 1997 г. рынок труда характеризовался достаточно умеренной официальной безработицей, регистрируемой биржами труда, – 2,2–2,5 млн. чел., или 3,2% от экономически активного населения, и общей численностью безработных по обследованиям занятости, проводимым Госкомстатом РФ, – 6,9 млн. чел. (9,5%). Кроме того, 2,4 млн. чел. работали в режиме неполной занятости (по экономическим причинам) и более 3 млн. находились в так называемых вынужденных отпусках, средняя продолжительность которых составляла 20 дней и которые не оплачивались совсем или оплачивались в минимальном размере.

Такое положение с занятостью отрицательно влияло прежде всего на семьи, где имелся хотя бы один безработный, и особенно, где он был основным кормильцем. И хотя рост заработной платы в последние годы обгонял рост цен и реальные денежные доходы населения растут (в 1997 г. прирост составил около 5%), положение различных

социально-демографических групп остается сложным.

Огромная задолженность по зарплате для многих семей (особенно резкая в отношении некоторых отраслей экономики и ряда территорий) сводит на нет рост реальных доходов. Несмотря на различные усилия правительства, эта задолженность не сокращается.

По нашему мнению, основной проблемой ухудшения уровня жизни значительной части населения является не низкий уровень доходов (последнее, конечно, остается важной проблемой и, может, важнейшей для многодетных семей), хотя, как мы подробно рассмотрим, значительная часть населения и находится за чертой бедности, а неполучение этих доходов вовремя. Рабочие и служащие не получают, выполняя работу в срок, заработной платы, пенсионеры – пенсий, семьи – положенных им семейных пособий и пособий на детей. Рассмотрим масштабы этого явления.

В России существует два вида задолженности по выплате заработной платы: из-за отсутствия финансирования из бюджета (федеральное правительство и правительства территорий – субъектов Федерации) и из-за отсутствия собственных средств предприятий и организаций.

Существуют специальные распоряжения президента (1997 г.) и специальная комиссия в правительстве для ликвидации указанных задолженностей. Установлены даже сроки их ликвидации. Реальная же экономическая ситуация совершенно иная. Несмотря на предпринимаемые попытки, задолженности в лучшем случае остаются на примерно том же уровне.

По второму виду задолженности, которая составляла 45 трлн. рублей, картина прямо противоположная: на производственные отрасли падает 97,5% этой суммы. При этом задолженность по оплате труда в социальной сфере снижалась, а в производственной – росла, и максимальными темпами – в сельском хозяйстве.

Для того, чтобы выявить реальную меру воздействия этого явления на уровень жизни населения и тех семей, где основной кормилец занят в какой-либо отрасли, проанализируем размер задолженности в расчете на 1 занятого (на 1.10.1997). В отраслях социальной сферы задолженность на 1 занятого – в образовании, здравоохранении, культуре и искусстве, науке – составляла 639 тысяч и колебалась по отраслям в очень узких пределах – от 635 (наука) до 641 (здравоохранение) тысячи. В свою очередь эта

величина составляла от 80% среднемесячной зарплаты в науке до 116% в культуре, т.е. колебалась в пределах месячной задержки заработной платы, что не могло существенно отразиться на уровне жизни соответствующих семей – месяц можно “протянуть” на накоплениях и запасах некоторых видов продуктов, к чему привыкло население России с 1989 года (первой попытки реформы цен), если бы не сам крайне низкий уровень заработной платы: 106,6% от прожиточного минимума трудоспособного в культуре (минимальный показатель) до 183% в науке (максимум).

Ситуация с уровнем зарплаты в промышленности несравненно лучше, чем в социальных отраслях, она составляет 250% от прожиточного уровня, уровень же задолженности выше – 128%. Однако самое тяжелое положение в сельском хозяйстве, и можно сразу же сделать вывод, что “выживание” сельских жителей при столь низком уровне доходов основано на возможностях натурального хозяйства. Заработная плата в этой отрасли даже ниже прожиточного минимума – 98%, а в первом полугодии 1997 г. она составляла 80%, зато задолженность – 172%.

Особенно критической представляется ситуация с задолженностью в территориальном аспекте. Задолженности не имеют только 4 региона из 89, в 11 регионах задержка с заработной платой составляет от 5 до 8 месяцев, а задержка до 2 месяцев, по мнению правительства, считается почти нормальной. Экономический кризис 90-х годов привел к увеличению дифференциации уровня зарплаты по отраслям и регионам (субъектам Федерации). Наиболее благоприятная ситуация в экспортирующих отраслях и естественных монополиях. Например, в 1997 г. в газовой отрасли промышленности средняя зарплата составляла 400% среднероссийской, или 812% заработной платы в сфере образования. В нефтяной промышленности – 306% среднероссийской, в топливной – 250%. Вот почему богатые газом и нефтью регионы живут значительно лучше остальных. В 1997 г. среднемесячная зарплата составляла 179 долларов, в Ямало-Ненецком и Ханты-Мансийском автономных округах зарплата была в 3,5–4,2 раза выше, а в Дагестане, напротив, – в 3 раза ниже средней. При этом, по данным Института экономического анализа, 2/3 территорий страны имели заработную плату ниже средней.

Несмотря на снижение (на 10%) численности населения с уровнем дохода ниже офи-

циального прожиточного минимума, который исчисляется госорганами на уровне не бедности, а нищеты, она составляет более 31 млн. чел., или пятую часть всего населения (21%). Велика также доля семей, находящихся в крайней бедности и имеющих уровень доходов в 2 раза ниже прожиточного минимума, она в последние два-три года колеблется на уровне 35–40% от всех бедных, что в принципе не может не вести к подрыву здоровья большей части населения, росту инфекционных, паразитарных болезней, плохому здоровью детей в этих семьях и т.д., о чем сказано выше.

Особенно сложное и неуклучшающееся экономическое положение, несмотря на государственную помощь – в том числе местных властей, остается у пенсионеров. Если для всего населения среднедушевой доход соотносился с прожиточным минимумом как 220:100, то для пенсионеров – 110:100 (и в 1997 г. положение по сравнению с 1996 г. не улучшилось), а соотношение средней пенсии и средней зарплаты даже ухудшилось по сравнению с 1996 г. Реальный размер назначенной пенсии за год уменьшился на 12%, что нельзя не назвать катастрофичным, и особенно тяжело семьям пенсионеров в тех регионах, где местные власти не имеют возможности доплачивать к пенсии, как, например, в Москве. Кроме того, до специальных орденансов Президента, пенсии также задерживались и во многих регионах выплаты носили нерегулярный характер.

На тяжелое положение пенсионеров, особенно одиноких, и семей пенсионеров указывает и следующее соотношение. Российская статистика рассчитывает так называемый минимальный потребительский набор из 25 основных продуктов питания. В 1997 г. в связи со снижением инфляции его стоимость мало менялась, но составляла по отношению к прожиточному минимуму пенсионера 80% и по отношению к средней пенсии – 71,5%. Если учесть, что пенсионер должен тратить не менее 6% доходов на оплату обязательных платежей и взносов, то социальная сторона жизни этих семей представляется нищенской, а гарантии государства на обеспеченную старость – невыполнимыми.

Наш вывод подтверждается и сравнением средней пенсии со стоимостью так называемого необходимого социального набора, который включает не только питание (рассчитывается органами статистики только в среднем на 1 человека), но и минимально необходимые для бедных некоторые виды услуг. Уровень средней (! – не минималь-

ной) пенсии по отношению к стоимости этого набора составлял в августе 1997 г. 103,7% и в сентябре 1997 г. 104,5%. Таким образом, пенсии, уровень которых на 15–20 тыс. руб. ниже средней пенсии (стоимость 4–5 литров молока), уже не обеспечивал пенсионеру даже минимально допустимый уровень жизни. Разумеется, наши выводы не относятся ко всем пенсионерам страны, так как есть территории с более низким уровнем цен. Так, стоимость уже названного набора из 25 продуктов колебалась по регионам России от 214% до 80% от средней.

Как и во многих европейских странах, в России наблюдается процесс старения населения. Число пенсионеров значительно возрастет после 2006 года, поэтому правительство пытается выработать новую концепцию пенсионной реформы. Попытка проведения кардинальной пенсионной реформы связана в том числе и с тем, что Россия принадлежит к тем немногим странам, где в период 1996–2006 гг. “демографическая нагрузка” работающего населения будет уменьшаться как за счет детей, так и за счет пожилых. По числу лиц старше рабочего возраста, несмотря на рост после 2006 г., нагрузка и в 2010 еще не достигнет уровня 1996 г. Проекты реформы, предложенные государственными организациями и специально созданной группой в рамках Министрства труда и социального развития, были отправлены на доработку. Самым рациональным представляется учитывать как реальный мир, в котором существуют российские пенсионеры, так и ход аналогичных реформ в западных странах (например, Канаде).

Экономическое положение пенсионеров остается весьма тяжелым. Средний размер пенсий увеличился за год (с сентября 1996 по сентябрь 1997) всего на 0,6%, в то время как индекс потребительских цен на 14%, следовательно, реальный размер пенсий сократился почти на 13%, что очень чувствительно для пенсионера. Одновременно сужаются возможности, как по объективным, так и по субъективным причинам, для трудоспособных пенсионеров подрабатывать для сохранения хотя бы прежнего уровня жизни.

Несмотря на отдельные меры, предпринимаемые правительством на рынке труда, которые до 1997 г. носили несистемный, спорадический характер, макроэкономическая политика по существу и в 1997 г. игнорировала проблемы роста социального напряжения в социально-трудовой сфере. Все это не может не повлиять в ближайшем будущем

на качество рабочей силы и эффективность труда, которые и сейчас продолжают ухудшаться. У лиц наемного труда все более теряются материальные стимулы к работе, а ее оплата зависит в большей мере не от качества труда и квалификации работника, а от отрасли, в которой он занят.

Продолжает возрастать социальная поляризация российского общества по денежным доходам: 10% самых обеспеченных получают почти 1/3 всех доходов (в 1996 г. – 29%), а 10% самых бедных – лишь 2,6% (в 1996 г. – 2,2%).

Абсолютно не изменилась ситуация с занятыми в отраслях социально-культурной сферы, которые в период централизованной экономики отставали по своей зарплате от работников промышленности и после 5 лет переходного к рыночной экономике периода продолжают получать в 1,7–1,9 раза меньше; таким образом, средняя зарплата в здравоохранении, образовании, культуре практически близка к уровню прожиточного минимума, рассчитанного для трудоспособного человека, и, следовательно, семьи занятых в этих сферах, имея даже одного ребенка, автоматически попадают в разряд нищих, если не имеют других источников дохода.

Понижение уровня жизни значительных слоев населения в 1997 г., которое связано, как было показано, прежде всего с задержками с выплатой зарплаты, различных социальных пособий и прежде всего пенсий, а также с явным отставанием роста минимальных социальных выплат и даже средней пенсии от роста потребительских цен, несмотря на значительное сокращение темпов роста последних в 1997 г., во многом связано с огромным числом убыточных предприятий. В конце 1997 г. в России число убыточных предприятий составляло 46% от всех, что в принципе невозможно для нормально функционирующей экономики и, во всяком случае, для экономики, переходящей к положительной динамике, как это утверждается правительством. Причин, по которым убыточные предприятия не становятся банкротами, а “толкают” своих работников к нищенскому уровню жизни (в части территорий) или к параллельному труду в “теневой” экономике (те территории, где это широко развито), не могут быть выявлены в этой статье, укажем лишь, что по оценке некоторых исследователей “теневая” экономика составляет более 20% по отношению к ВВП и 25% в доходах населения.

Убыточные предприятия не только снижают уровень жизни семей своих работни-

ков, но и увеличивают напряженность на рынке труда. В России имеются регионы, в которых доля убыточных предприятий в экономике региона составляет 80–90%; всего же регионов (субъектов Федерации), где доля убыточных предприятий превышает 60%, насчитывается 20 из 89 и, следовательно, в них как минимум более половины всех семей живут за чертой бедности.

Динамика реальных денежных доходов носила в 1997 г. крайне неустойчивый характер. Так в августе 1997 г. доходы понизились по сравнению с августом 1996 г. на 3,3%, по отношению к июлю 1997 г. даже на 5,8%, хотя в целом за 8 месяцев возросли по сравнению с 1996 г. на 2,5%. Снижение реальных доходов в августе наблюдалось на 53 территориях, т.е. на 60% территорий страны, при этом в 14 регионах падение за месяц составило 10 и более процентов.

Если прожиточный минимум, который в РФ исчисляется для каждого региона, колебался по территориям от 227% к среднероссийскому до 61%, т.е. размах составлял 3,7

раза, то средняя зарплата между территориями различалась в 10,9 раза, при этом ее наиболее низкий уровень наблюдался не там, где был самый низкий прожиточный минимум. Если в среднем средняя зарплата в сумме с выплатами социального характера составляла по отношению к прожиточному минимуму трудоспособного населения 217% (август 1997 г.), то на 5 территориях она была выше менее чем на 25%. Минимум наблюдался в Дагестане – 102,6%, т.е. практически все население живет на уровне бедности, если не считать возможностей даже городских жителей иметь личное подсобное хозяйство. При этом в Дагестане один из самых высоких уровней регистрируемой безработицы – 7,1%, или в 2,5 раза выше средней.

Особенно тяжело при этом семьям длительно безработных, которые не могут найти работу более года, их численность достигла в середине 1997 г. 21% от всех безработных при средней продолжительности безработицы 7,4 месяца.